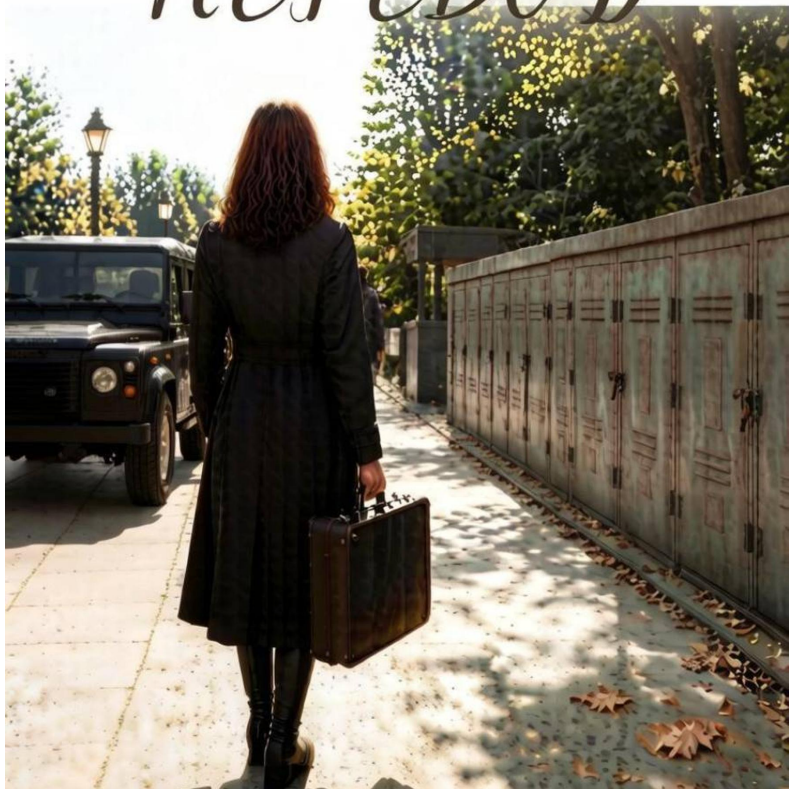

Борис Грань

ОШИБОЧНЫЙ ПЕРЕВОД

Сергей Шаповалов

Ошибочный перевод

<https://litres.ru/74386782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь лет в ста двадцати квадратных метрах тишины. Остывшие котлеты, закрытая дверь, муж-тиран без единого скандала — жизнь Анны похожа на фотографию, где забыли поставить штатив. Одна ночь в клубе с незнакомцем по имени Артур должна была стать глотком свободы, но обернулась провалом в памяти и СМС о переводе пятисот тысяч рублей.

Теперь её телефон — это пульт управления бомбой. Голос из трубки, представившийся сотрудником ФСБ, утверждает, что она финансирует террористов. У неё есть инструкция: забрать тяжёлый кейс из камеры хранения вокзала и доставить его к зданию спецслужбы. Чемодан нельзя открывать. Артура нельзя послушаться. Времени нет.

Это история одного неверного перевода — не только банковского, но и жизненного. Психологический триллер о том, как легко стать марионеткой в чужой игре, когда твоя собственная жизнь давно превратилась в тюрьму. Цена одной ошибки измеряется не деньгами, а секундами до взрыва.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Восемь лет, сто двадцать один квадратный метр	7
Глава вторая. Подруга Лера	13
Глава третья. Двенадцать лет — и первый раз	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Шаповалов

Ошибочный перевод

Повесть

Пролог

Следствие шло уже третий час, а Анна всё никак не могла понять одной простой вещи: как это она, жена, мать, очутилась здесь — на жёстком казённом стуле, в комнате без окон, где пахло хлоркой, дешёвым кофе и страхом.

Следователь был молод, гладко выбрит и смотрел на неё с тем особенным бессильным сожалением, с каким смотрят на утопленника, которого уже поздно вытаскивать.

— Вы понимаете, — сказал он тихо, почти виновато, — что если бы вы вошли в то здание, сегодня уже некому было бы задавать вам вопросы?

Анна молчала. Она смотрела на свои руки. Руки были чужие. Ещё вчера эти руки месили тесто для шарлотки, развешивали бельё, ставили чайник на плиту. А теперь эти же руки, оказывается, едва не разнесли целый вестибюль здания вместе с людьми, которых она никогда не видела и которые никогда не сделали ей ничего плохого.

— Я не знала, — сказала она наконец. Голос был сдавленный, как из-под одеяла. — Я думала, там документы.

Следователь откинулся на спинку стула. Где-то в коридоре хлопнула дверь, и звук этот был точно выстрел из далёкого ружья.

— Все так думают, Анна Сергеевна. Все, кто таскает чужие кейсы.

Он достал из папки фотографию, положил перед ней. Анна увидела себя — со стороны, как незнакомую женщину. Она стояла у здания с кейсом. Лицо у женщины на снимке было спокойное, даже решительное. Так идут на подвиг. Или на смерть.

— Рассказывайте с самого начала, — попросил следователь.

— С той самой ссоры.

И Анна начала рассказывать. А рассказывать, как потом выяснилось, было о чём. И всё это — про неё, про мужа Андрея, про подругу Леру, про мужчину по имени Артур. И про кейс, который не надо было трогать.

Но об этом она тогда ещё не знала.

Глава первая. Восемь лет, сто двадцать один квадратный метр

Вышло как-то само собой, что к двенадцатому году замужества Анна и Андрей разучились разговаривать.

Нет, они говорили — разумеется, говорили. «Купи хлеба». «Счёт за свет пришёл». «Сын опять двойку принёс по физике, поговори с ним». «Где мои ключи». «Ты опять не закрыл тубик». Всё это были слова, и слов этих было много, по десятку в день, как чайных ложек супа, отмеренных скупо и без всякого аппетита. Но это не было разговором. Разговор — это когда двое смотрят друг на друга и видят, а не разглядывают чужой затылок над тарелкой.

Квартира у них была хорошая — сто двадцать один квадратный метр, из тех, о которых пишут в объявлениях «для тех, кто ценит пространство». И пространства этого было так много, что в нём легко терялись оба. Анна могла весь вечер не выйти из кухни, Андрей — из кабинета. Сын Миша сидел в своей комнате в наушниках, и оттуда доносилось глухое «бум-бум», точно кто-то колотил кулаком в стену изнутри.

Андрей много работал. Это была его главная, можно сказать, единственная черта — он работал. Уезжал в семь, воз-

вращался в десять, садился ужинать, глядя в телефон, и в половине двенадцатого падал лицом в подушку, даже не сказав «спокойной ночи». Иногда, в редкие выходные, он бродил по квартире, как потерянный, трогал вещи, перекладывал их с места на место и не знал, куда себя деть от этой непривычной тишины.

— Может, сходим куда-нибудь? — спрашивала Анна в такие дни, и сама уже понимала, что ничего не выйдет.

— Куда? — удивлялся Андрей так искренне, точно ему предлагали уехать на Луну. — Я устал, Ань. Давай просто дома.

И они оставались дома. И «просто дома» было самым тяжёлым словом из всех, какие Анна знала.

Любовь ушла из этого дома не в один день. Она уходила тихо, по-соседски, как уходят, не захлопнув дверь, просто тихонько прикрыв её за собой. Сначала они перестали целоваться на прощание. Потом перестали держаться за руки на улице. Потом — обниматься. Потом Анна заметила, что они стали осторожно, по-воровски, избегать друг друга в тесном коридоре, бочком-бочком, как два человека, боящиеся столкнуться в трамвае с незнакомцем.

И от этого всего — от тишины, от осторожности, от вежливого «спасибо» вместо «спасибо, родной» — Анне становилось так тоскливо, что хотелось завывать. Но она не выла. Она была порядочная женщина, жена, мать. Такие не воют. Такие ставят чайник и смотрят в окно.

Ссориться они стали всё чаще. Ссоры эти были удивительные — из-за пустяков, из-за пыли, из-за невымытой кружки, из-за того, кто должен вынести мусор. Но всякий раз, ругаясь из-за кружки, они на самом деле кричали совсем о другом. Кричали о том, что не могут сказать вслух: о том, что обоим одиноко жить в этих ста двадцати одном квадратном метре, что обоим страшно признаться, что всё кончилось, и что ни один не решается произнести это первым, потому что произнести — значит начать, а начинать страшно.

В тот вечер ссора вышла особенно глупой. Андрей пришёл в одиннадцатом часу, злой, разбитый, бросил сумку у порога, не глядя надел тапки, пошёл к столу. На столе был ужин. Котлеты. Анна приготовила котлеты, как в первые годы, когда ещё старалась.

— Опять котлеты, — сказал Андрей без выражения, садясь.

И вот это «опять» — одно-единственное слово — было

точно спичкой, брошенной в сухую траву.

— А что ты хотел? — голос Анны дрогнул. — Ты приходишь в десять. Я что тебе, ресторан?

— Я не просил ресторан. Я просто сказал — котлеты.

— Ты сказал «опять». Слышишь разницу?

Андрей поднял на неё глаза. Взгляд был усталый, чужой, безразличный.

— Ань, я на работе с восьми. У меня голова не варит. Дай просто спокойно поесть.

— Конечно, — сказала Анна тихо и так ледяно, что чайник на плите, казалось, остыл. — Конечно, ешь. Ты же только за этим и приходишь.

Она ушла в спальню и закрыла дверь. Не хлопнула — это было бы уже слишком. Просто закрыла. И эта тихо закрытая дверь прозвучала громче всякого хлопка.

Андрей остался на кухне. Анна слышала, как звякнула вилка, как полилась вода из крана, как загудел лифт в подъезде, унося кого-то чужого в чужую жизнь. И она лежала в

темноте и думала одну и ту же, сто раз передуманную мысль: вот уже двенадцать лет, и всё, что у неё есть, — это тихо закрытая дверь и котлеты, которые он ест без «спасибо».

Она не знала тогда, что эта самая ссора из-за котлет станет последней тихой ссорой в её тихой жизни. Что уже завтра её телефон зазвонит, и на том конце окажется подруга Лера, весёлая, безалаберная Лера, которая скажет слова, после которых всё покатится под гору — быстро, неудержимо, как будто кто-то выбил подпорку из-под её выверенной, правильной, до скуки правильной жизни.

— Хватит киснуть, Анька! — скажет Лера. — Собирайся, идём танцевать. Встряхнись, пока совсем в мумию не превратилась.

И Анна, которая за двенадцать лет не ходила в клуб ни разу, вдруг — сама не зная почему — согласится.

Но это было уже завтра. А пока — ночь, тишина, и в кухне Андрей молча доедал остывшие котлеты, стоя у окна, и смотрел на тёмный двор, и тоже о чём-то думал.

О чём — Анна так и не узнала.

И, как выяснилось потом, лучше бы ей никогда этого и не

узнавать.

Глава вторая. Подруга Лера

Лера была из тех женщин, про которых говорят «ей море по колено» — и говорят обычно с лёгкой тенью осуждения, за которой прячется самая обыкновенная зависть. Зависть к тому, что вот так вот можно: никому ничего не должна, ни перед кем не отчитываешься, живешь звонко, широко, без оглядки.

Анна и Лера дружили с института — странная, необъяснимая дружба, какая бывает только между очень разными людьми. Лера с первого курса была той, на кого оглядывались в коридорах: громкая, красивая, в вечных своих браслетах и в тумане духов. Анна, наоборот, была тихой, аккуратной отличницей, которая писала конспекты на всех — и на себя, и на Леру. Их дружба держалась на том, что Лере было с кем смеяться и перед кем красоваться, а Анне — на кого смотреть с тайным восхищением и смотреть на жизнь, которой у неё самой не будет.

Прошли годы, и роли не изменились. Только теперь Лера смотрела на Анну уже не с весёлым превосходством, а с искренним, почти материнским недоумением: как это так, Анька, ты в сорок два года ходишь в домашних тапках и говоришь мужу «поел — скажи спасибо». Лера к своим сорока

двум успела пожить ярко: два брака, оба коротких, как новогодние каникулы, куча романов, куча долгов, куча воспоминаний. Она не имела ни семьи в строгом смысле, ни мужа, ни накопительной части пенсии, но зато имела главное, чего не имела Анна, — лёгкость. Легкомысленную, безответственную, но такую завидную лёгкость человека, который не тащит на себе никакого чемодана.

Вот и теперь, узнав по голосу, что с Анной что-то неладно, Лера тут же примчалась. Она впорхнула в квартиру, наполнив её запахом духов, смехом и каким-то нездешним движением, точно ветерок в комнате, где давно не открывали форточку.

— Ну-ка, сядь, — скомандовала Лера, садясь на кухне без приглашения и по-хозяйски наливая себе чаю. — Рассказывай, с чем воюем.

Анна хотела было отмахнуться, как всегда, но что-то в ней в этот раз сломалось. И она — слово за словом, спотыкаясь и подбирая неловкие слова, — выложила всё: про тишину, про котлеты, про затылок Андрея над тарелкой, про то, что двенадцать лет чувствует себя не женой, а приложением к плите и выключателю. И про то, что, кажется, жизнь её прошла, а она и не заметила, как.

Лера слушала, не перебивая, что было на неё совсем не похоже. Потом покачала головой и сказала так просто, что Анне стало не по себе:

— Знаешь, что мне тебя жалко? Не мужа твоего, не работы твоей. А того, что ты двенадцать лет ни разу себе не разрешила. Всё боишься — а вдруг осудят, а вдруг не так поймут, а вдруг мама не одобрит. Да кто тебе жизнь-то живёт, Ань? Мама? Муж? Сын?

— Ну зачем ты так... — пробормотала Анна.

— А затем, что правда это. Ты чахнешь. Только виду не подаёшь, потому что ты у нас воспитанная. А воспитанные чахнут тихо и красиво, никто и не заметит, как ты в этот самый тапок и вrastёшь.

Анна хотела обидеться, но не смогла. Потому что слова эти попадали куда-то в самое больное, туда, где она сама себе давно это говорила — только шёпотом, ночами, чтобы никто не услышал.

— И что мне делать? — спросила она почти с вызовом, хотя в глубине души ждала, что Лера скажет что-нибудь страшное и желанное.

— Для начала — один вечер для себя. Не для мужа, не для сына, не для мамы. Для себя. Поехали сегодня в клуб.

— В клуб? — Анна рассмеялась, но смех вышел фальшивый.

— Лер, мне сорок два. Мне там делать нечего.

— Вот именно! — подхватила Лера с азартом. — Тебе сорок два, а ты ни разу толком и не отоспалась от своей правильности. Встряхнись. Потанцуй. Пусть на тебя посмотрят — не как на жену и мать, а как на бабу. Это, знаешь ли, лечит. Лучше всякого психолога.

— У меня сын. Мне неудобно.

— Сыну шестнадцать. Он сам себе пельмени сварит, поверь. А неудобно тебе потому, что ты привыкла всем быть удобной. Поживи хоть раз неудобной. Отдохни от быта. И от тирана твоего — заодно.

Опять это слово — «тиран». Оно царапало Анну, вызывало протест. Андрей не тиран. Ну то есть... не совсем. И всё же в глубине души Анна чувствовала, что Лера в чём-то права: самый страшный тиран — не тот, кто кричит и запрещает, а тот, кто молча отнимает у тебя саму надежду на жизнь, оставляя взамен сытость, крышу и скуку.

— Я не знаю... — протянула Анна, и это было уже почти согласие.

— А я знаю! — Лера хлопнула ладонью по столу. — Решено. Вечером я за тобой заезжаю. Платье привезу, остальное на месте. И не вздумай передумать, поняла?

И, не дав Анне опомниться, засобиравлась — быстро, по-лёгкому, как птица, случайно залетевшая погреться и вспорхнувшая дальше.

Уже в прихожей, обуваясь, она вдруг обернулась и посмотрела на Анну серьёзно, без обычной своей усмешки:

— Только одно запомни, Анька. Ты туда не мужа дразнить идёшь и не ему отомстить. Ты идёшь — себя заново почувствовать. Поняла? Это важно.

— Поняла, — ответила Анна, хотя на самом деле не поняла ни слова.

Хлопнула дверь. Стало тихо. И в этой тишине Анна вдруг отчётливо, почти физически ощутила, как что-то в ней сдвинулось с места — маленькое, ржавое, долго не поддававшееся колесо. Оно сдвинулось и медленно, со скрипом, пока-

тилось.

Она ещё стояла посреди прихожей и смотрела на закрытую дверь, а где-то глубоко, на самом дне её уставшей, правильной, до скуки правильной жизни, уже рождался тот вечер, который всё перевернёт.

И она не знала, что жить ей осталось, в сущности, несколько часов — той самой прежней, выверенной, безопасной жизнью, в которой не было ни клубов, ни Артуров, ни чемоданов.

Через несколько часов эта жизнь кончится навсегда.

Глава третья. Двенадцать лет — и первый раз

Весь день Анна прожила как в лёгком тумане. Она ходила по квартире, отвечала сыну невпопад, включала утюг и забывала включить розетку, а к вечеру поймала себя на том, что без конца поглядывает на часы и на дверь, как девчонка перед первым свиданием.

Лера приехала в восемь — шумная, сияющая, с охапкой каких-то пакетов, как будто собралась не в клуб, а в кругосветное плавание. Она вывалила всё на кровать и принялась командовать, ловко превращая растерянную Анну в незнакомку.

Платье было чёрное, обтягивающее, с переливом блёсток. Анна, увидев себя в нём, ахнула и отпрянула.

— Я так не могу. Это не я.

— Это ты, — отрезала Лера, поправляя ей волосы. — Просто ты себя давно не видела. Стой смирно.

Она подвела Анне глаза, накрасила губы, брызнула чем-то сладким и терпким. Из зеркала смотрела женщина — краси-

вая, чуть испуганная, с лихорадочным румянцем на щеках. Та, которую Анна где-то глубоко помнила, но давно перестала видеть.

— Мам, ты куда? — спросил Миша, вынырнув из своей комнаты и с удивлением разглядывая мать.

— К Лере в гости, — соврала Анна, и стыд кольнул её острой иглой. Впервые за двенадцать лет она соврала сыну. И оттого, что соврала, на душе стало одновременно и гадко, и сладко, и жутко весело.

— Красивая, — сказал Миша и, не дожидаясь ответа, ушёл обратно в наушники.

Анна стояла и смотрела ему вслед, и что-то сжималось у неё в груди. «Только этот вечер, — пообещала она себе. — Один вечер, и всё. Ничего не будет. Просто развеюсь».

И именно потому, что она себе это пообещала, ей стало отчего-то ещё страшнее.

Клуб оглушил её с порога. Грохот, свет, толпа, запах духов, пота и дыма, тела,двигающиеся как одно огромное дышащее существо. Анну вдавило в этот поток, как щепку в быструю воду, и она прижалась к стойке бара, вцепившись в

неё, как утопающий в борт. Сердце колотилось где-то в горле. Было страшно, шумно, неловко — и отчего-то ужасно хорошо.

Лера тут же исчезла, растворилась в толпе, и Анна осталась одна, в этом грохочущем тёмном мире, где на неё — вот диво — действительно оборачивались. По-настоящему. С интересом. Так, как в последний раз на неё смотрели, кажется, ещё до свадьбы.

Именно тогда, сквозь эту кашу из света и басов, к ней подошёл он.

Артур.

Мужчина был высок, хорошо одет, того неуловимо лошёного вида, который нравится женщинам и настораживает мужчин. Но всё это Анна разглядела уже потом. А в первый миг она увидела только его глаза — внимательные, тёмные, чуть насмешливые, — и его улыбку, такую открытую и располагающую, что весь клуб вдруг словно отошёл и стал далёким фоном, музыкой где-то за стеной.

— Скучаете? — спросил он, наклоняясь к самому её уху, и от его дыхания у Анны пробежал холодок по спине.

— Я... я здесь с подругой, — пролепетала она невпопад, хотя он спрашивал совсем о другом.

— Я пригласить хотел. Потанцуем?

Анна растерянно оглянулась, ища глазами Леру. Та как по волшебству возникла рядом — с бокалом, сияющая, с каким-то счастливым озорством.

— Иди-иди! — замахала она Анне. — Ну-ка, встряхнись! А то зачахнешь, замуж за тапок выйдешь!

И, подмигнув Артуру, добавила для одной Анны, склонившись к её уху:

— Оттянись сегодня, Анька. Оторвись по полной. Ты за-служила, ей-богу.

И Анна пошла.

Впервые за двенадцать лет — пошла танцевать с чужим мужчиной. И в тот момент, под эту музыку, в этих обжигающих лучах, она чувствовала себя не сорокадвухлетней уставшей женой с тихим сыном и остывшими котлетами, а той самой Анькой, которой была сто лет назад. Живой. Желанной. Настоящей.

Артур танцевал хорошо — легко, не навязчиво, касаясь её ровно настолько, насколько нужно, чтобы она чувствовала его рядом, но не пугалась. Он что-то говорил ей — о музыке, о вечере, о том, какая у неё улыбка, — и Анна смеялась, и ей было легко, впервые за много лет легко. Как будто с плеч сняли невидимый тяжёлый чемодан.

Дальше — коктейли. Красивые, холодные, один другого слаще. Артур угощал щедро, с лёгкой, уверенной небрежностью человека, привыкшего, что всё складывается как надо. Один, второй, третий. Анна не заметила, как мир начал покачиваться и расплываться, как звуки стали мягче, а голос Артура — ближе и теплее. Она уже не помнила ни про мужа, ни про сына, ни про этот свой глупый зарок «один вечер — и всё».

Она помнила только, что ей хорошо. Что он смотрит на неё так, как давно никто не смотрел. Что хочется, чтобы этот вечер не кончался.

— Поехали, — сказал Артур наконец, мягко поддерживая её под локоть, и голос его прозвучал откуда-то издалека, из-за ваты. — Подвезу до дома. Вам уже пора.

— А Лера... — попыталась вспомнить Анна, но язык за-

плетался, не слушался.

— Не волнуйтесь. Подругу посадим в такси.

Машина пахла кожей и чем-то дорогим. Артур усадил её на переднее сиденье, сам сел рядом, завёл мотор. Свет фонарей поплыл по стеклу цветными пятнами. Анна чувствовала, как её обволакивает тяжёлая, тёплая дремота, как веки наливаются свинцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.